

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П70

Terry Pratchett
REAPER MAN

Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 1991
First published by Victor Gollancz Ltd, London,
in association with Colin Smythe Ltd

Художественное оформление и макет
Екатерины Тинмей

Пратчетт, Терри.

П70 Мрачный Жнец / Терри Пратчетт ; [перевод с английского Н. Б. Берденникова]. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-111790-0

Нельзя отменить смерть.
Смерть не может умереть...
Или все-таки может?

Самый харизматичный персонаж во всем Плоском мире стал смертным.

Безжалостный Смерть. Мрачный Жнец. Не тот, кем становятся. Тот, кем являются.

Понадежней спрячьтесь — и вскоре Он обязательно явится за вами.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Н. Берденников, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111790-0

Народные танцы широко распространены во всех обитаемых мирах всей множественной вселенной.

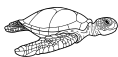
Они танцуются под синим небом, чтобы отпраздновать оживление почвы, и под холодными звездами, потому что наступила весна и, если повезет, углекислый газ снова растет. Настоятельную необходимость в танцах ощущают как глубоководные существа, никогда не видевшие солнечного света, так и городские жители, чья единственная связь с природой заключается в том, что когда-то они переехали на своем «Вольво» овцу.

Народные танцы исполняются бородатыми математиками, невинно веселящимися под фальшивые звуки аккордеона, и безжалостными танцовщиками-ниндзя из Нью-Анка, которые при помощи простого носового платка и колокольчика способны творить самые невообразимые, ужасные вещи.

Но везде эти танцы танцуются неправильно.

За исключением, конечно, Плоского мира, который действительно является плоским и покоится на спинах четырех слонов, путешествующих по космосу на панцире Великого А'Туина, всемирной черепахи.

Однако даже здесь настоящие народные танцы можно увидеть лишь в маленькой деревушке, затерявшейся высоко в Овцепикских горах. Строго хранящая и крайне простая тайна народного танца передается из поколения в поколение.

В первый день весны в Овцепиках происходят народные гулянья. Привязав к коленям колокольчики и размахивая лапами рубах, местные жители исполняют знаменитый народный танец. Многие люди приходят посмотреть на это зрелище. После танца зажаривают быка, и весь праздник считается неплохим семейным времяпрепровождением.

Но секрет заключается вовсе не в этом.

Есть еще один, *тайный* танец.

Который будет исполнен спустя какое-то время.

Что-то тикало почти как часы. Впрочем, в небе действительно висели часы, мерно отсчитывая свежеотчеканенные секунды.

По крайней мере, это выглядело как часы, хотя на самом деле представляло собой их прямую противоположность. На этом циферблате большая стрелка совершала только один оборот.

Под мрачным небом простирается равнина. Невысокие волны-барханы катятся по ней — эти «волны», если смотреть издали, напоминают нечто другое, однако, увидев их издали, вы, несомненно, очень обрадуетесь тому, что предусмотрительно решили не подходить ближе.

Три серые фигуры парят над равниной. Их сущность невозможно описать обычным языком. Некоторые люди назвали бы их херувимами, но никакой розовощекой здесь и не пахло. На самом деле эти существа следили за тем, чтобы сила тяжести работала, а время всегда было отделено от пространства. Можете назвать их ревизорами. Ревизорами действительности.

Они разговаривали между собой — но молча, не произнося ни слова. Речь им была ни к чему. Они просто изменяли действительность так, словно произносили слова.

— Но такого никогда не случилось. И вообще, получится ли? — сказал один.

— Должно получиться. Есть личность. А всякой личности рано или поздно приходит конец. Только силы вечны, — сказал один.

В его тоне проскользнуло явное удовольствие.

— Кроме того... Возникли отклонения. Всякая личность неизменно порождает отклонения. Хорошо известный факт, — сказал один.

— Неужели он где-то плохо сработал? — сказал один.

— Такого не случалось, и на этом нам его не поймать, — сказал один.

— В том-то и дело. Ведь он — это *он*. Однако... Плохо то, что начала проявляться личность, а это нельзя запускать. Предположим, сила тяжести вдруг станет личностью. И начнет испытывать к людям нежные чувства — что тогда? — сказал один.

— То есть ее притянет к ним, их — к ней, ну и... — сказал один.

— Не смешно, — сказал один голосом, который мог показаться еще более холодным, если бы уже не находился на отметке абсолютного нуля.

— Извините. Я как-то неудачно пошутил, — сказал один.

— Кроме того, он стал сомневаться в своей работе, а такие мысли опасны, — сказал один.

— Возразить нечего, — сказал один.

— Значит, мы пришли к соглашению? — сказал один.

Один, который, казалось, о чем-то задумался, вдруг сказал:

— Минуту. Не вы ли только что использовали местоимение «я»? Может, и вы становитесь личностью?

— Кто? Мы? — виновато сказал один.

— Где личность, там всегда разлад, — сказал один.

— Да. Да. Как это верно, — сказал один.

— Мы вас прощаем, но впредь будьте осторожнее, — сказал один.

— Значит, мы пришли к соглашению? — сказал один.

Они посмотрели на лицо Азраила, проступающее на фоне неба. Впрочем, это лицо и было небом.

Азраил медленно кивнул.

— Отлично. И где все происходит? — спросил один.

— Это Плоский мир. Он путешествует по космосу на спине гигантской черепахи, — сказал один.

— А, один из этих. Лично я их терпеть не могу, — сказал один.

— Ну вот опять. Вы снова сказали «я», — сказал один.

— Нет! Нет! Я никогда не говорил «я»... вот сволочь!

Он вспыхнул и сгорел — так улетучивается небольшое облачко пара, мгновенно и без остатка. Почти так же мгновенно на его месте появился другой, как две капли воды походящий на своего предшественника.

— Да послужит это уроком. Стать личностью значит обрести конец. А теперь... пойдём, — сказал один.

Азраил проводил их взглядом.

Крайне трудно постичь мысли существа настолько огромного, что в реальном пространстве его длина может быть измерена только световыми годами. Но он развернул свое немыслимо гигантское тело и глазами, в которых бесследно терялись звезды, отыскал среди мириадов других миров тот, что своим видом напоминал тарелку.

И который покоился на спинах слонов. Стоящих на панцире черепахи. Плоский мир — мир в себе и зеркало всех прочих миров.

Все это выглядело достаточно интересно. Азраилу было скучно, ведь его смена длилась вот уже миллиарды и миллиарды лет.

А в этой комнате будущее перетекает в прошлое, протискиваясь сквозь узкий ободок настоящего.

Стены уставлены жизнеизмерителями. Не песочными часами, нет, хотя по форме они похожи. И не часами для варки яиц, которые вы можете купить в любой сувенирной лавке, — обычно они прикреплены к дощечке с названием вашего курорта, и надпись эту делал человек, который слухом не слыхивал о чувстве прекрасного.

И вовсе не песок течет внутри жизнеизмерителей. Это секунды, превращающие «быть может» в «уже было».

На каждом жизнеизмерителе стоит имя.

Комнату заполняют шорохи живущих людей.

Представили картину? Замечательно.

А теперь добавьте к ней стук костей по камням. Этот стук приближается.

Темный силуэт скользит перед вашими глазами и идет дальше, вдоль бесконечных полок с шуршащими сосудами. Стук, стук. Вот часы, верхний сосуд которых почти опустел. Костяные пальцы протягиваются к ним. Снимают с полки. Еще один жизнеизмеритель. Взять с полки. И еще, еще. Взять, взять.

Это все работа на один день. Вернее, она была бы рассчитана на один день, если бы дни здесь существовали.

Стук, стук, темная тень терпеливо следует вдоль полок.

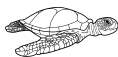
И вдруг в нерешительности останавливается.

Странный маленький жизнеизмеритель. Размером не больше наручных часов. Золотой.

Но вчера его здесь не было — вернее, не было бы, если бы здесь существовала такая штука, как «вчера».

Костяные пальцы смыкаются вокруг жизнеизмерителя и подносят к свету.

Там небольшими прописными буквами написано имя.

И это имя — «СМЕРТЬ».

Смерть поставил жизнеизмеритель на место, но потом снова взял его в руку. Внутри колбочек струились песчинки времени. Смерть перевернул измеритель — так, на всякий случай, посмотреть, что будет. Песок продолжал течь, только теперь он падал снизу вверх. Впрочем, иначе и быть не могло.

Все это означало только одно. Завтра не будет — пусть даже такой штуки, как «завтра», здесь никогда не существовало.

Смерть почувствовал за спиной движение воздуха.

Он медленно повернулся.

— ПОЧЕМУ? — спросил он у колышущейся в полумраке фигуры.

Фигура объяснила.

— НО ЭТО... НЕПРАВИЛЬНО.

Фигура сказала, что он ошибается, все идет как идет.

Ни единый мускул не дрогнул на лице Смерти — просто потому, что мускулов там не было.

— Я ПОДАМ АПЕЛЛЯЦИЮ.

Фигура сказала, что апелляции не принимаются, уж кто-кто, а он должен это знать.

Смерть немного поразмыслил.

— Я ВСЕГДА ЧЕСТНО ИСПОЛНЯЛ СВОИ ОБЯЗАННОСТИ. ТАК, КАК СЧИТАЛ НУЖНЫМ, — наконец промолвил он.

Фигура подлетела ближе. Она немного напоминала монаха в серой рясе с капюшоном.

— Мы знаем, — сказала она. — И поэтому разрешаем тебе оставить лошадь.

Солнце клонилось к горизонту.

Самые недолговечные создания Плоского мира — это мухи-однодневки, они живут не больше двадцати четырех часов. Как раз сейчас две самые старые му-

хи бесцельно кружили над ручьем с форелью, делясь воспоминаниями с более молодыми мушками, что родились ближе к вечеру.

— Да, — мечтательно произнесла одна из них, — такого солнца, как раньше, уже не увидишь.

— Вы совершенно правы, — подтвердила вторая муха. — Вот раньше солнце было настоящим. Оно было желтым, а не каким-то там красным, как сейчас.

— И оно было выше.

— Именно так, именно так.

— А личинки и куколки выказывали к старшим куда больше уважения.

— Именно так, именно так, — горячо подтвердила другая муха-однодневка.

— Это все от неуважения. Думаю, если бы нынешние мухи вели себя как подобает, солнце осталось бы прежним.

Молодые мухи-однодневки вежливо слушали старших.

— Помню времена, когда вокруг, насколько хватало глаз, простирались поля, поля... — мечтательно промолвила старая муха.

Молодые мухи огляделись.

— Но ведь поля никуда не делись, — осмелилась возразить одна, выдержав вежливую паузу.

— Раньше поля были куда лучше, — сварливо парировала старая муха.

— Вот-вот, — поддержала ее ровесница. — А еще корова, корова была.

— А и верно! Верно ведь! Я помню эту корову! Стояла здесь целых... целых сорок, нет, пятьдесят минут! Пегая такая, если память не изменяет.

— Да, нынче таких коров уже не увидишь.

— Нынче вообще коров не увидишь.

— А что такое корова? — поинтересовалась одна из молодых мух.

— Вот, вот! — торжествующе воскликнула старая муха. — Вот они, современные однодневки. — Она вдруг замолчала. — Кстати, чем мы занимались, прежде чем зашел разговор о солнце?

— Бесцельно кружили над водой, — попыталась подсказать молодая муха.

В принципе, так оно и было.

— А перед этим?

— Э-э... Вы рассказывали нам о Великой Форели.

— Да, верно. Форель. Понимаете, если бы вы были хорошими однодневками и правильно кружили над водой...

— И с большим уважением относились к старшим, более опытным мухам... — подхватила вторая.

— Да, и с большим уважением относились бы к старшим мухам, тогда Великая Форель, быть может...

Плюх.

Плюх.

— Да? — нетерпеливо спросила молодая муха.

Ответа не последовало.

— Великая Форель — что? — с беспокойством переспросила еще одна молодая муха.

Они посмотрели на расходящиеся по воде концентрические круги.

— Это святой знак! — воскликнула молодая муха. — Я помню, мне рассказывали о нем! Великий Круг на воде. Это символ Великой Форели!

Самая старая из оставшихся мух-однодневок задумчиво взглянула на воду. Она начинала понимать, что, будучи самой старшей, получила право летать как можно ближе к поверхности воды.

— Говорят, — сказала муха-однодневка, летавшая выше всех, — что, когда Великая Форель съедает тебя, ты попадаешь в страну, изобилующую... изобилующую... — Мухи-однодневки ничего не едят, потому молодая мушка пребывала в полной растерянности.

ности. — Страну, изобилующую водой, — неловко закончила она.

— Очень интересно, — произнесла старшая муха.

— Там, наверное, так здорово... — сказала самая молодая мушка.

— Да? Почему?

— Потому что никто не хочет оттуда возвращаться.

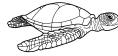
Ну а самые древние обитатели Плоского мира — это знаменитые Считающие Сосны, которые растут высоко-высоко в Овцепикских горах, на самой границе вечных снегов.

Считающие Сосны являются одним из немногих известных примеров одолженной эволюции.

Большинство видов проходят собственный путь эволюции, каковой назначается им самой природой. Такой путь является наиболее естественным и органичным. Он пребывает в гармонии с загадочными циклами космоса, которые искренне уверены: ничто не может сравниться с миллионами лет, полных разочарований и ошибок, в конце которых вид обретает моральные силы, а в некоторых случаях даже хребет.

Возможно, с точки зрения развития видов такой долгий путь оправдан, но с точки зрения развития отдельной особи... Ведь процесс может завершиться созданием обычной свиньи. Жило-было мелкое розовенькое пресмыкающееся, поедало себе корни, надеясь на лучшее — а получилась свинья.

В общем, Считающие Сосны постарались избежать всех этих трудностей, предоставив другим растениям эволюционировать вместо них. Семена сосны, оказавшись где-либо на поверхности Диска, немедленно заимствовали у местных растений самый эффективный генетический код и выросли в то, что наиболее подходит окружающей почве и климату. Местные деревья не успевали и веткой качнуть, как

оказывались вытесненными на самые неплодородные земли.

А еще Считающие Сосны умеют считать, чем они и прославились.

Смутно понимая, что люди определяют возраст дерева по годичным кольцам, Считающие Сосны решили, что *именно поэтому люди и рубят деревья.*

Придя к такому выводу, Считающие Сосны за одну ночь изменили свой генетический код так, что примерно на уровне человеческих глаз кора стала образовывать светловатые цифры — точный возраст дерева.

И за какой-то год практически все сосны были уничтожены предприятиями по производству декоративных номерных табличек; лишь немногие особи сохранились, и то в самых труднодоступных местах.

Шесть Считающих Сосен слушали самую старую сосну в своей группе; цифры на грубой коре говорили о том, что ей тридцать одна тысяча семьсот тридцать четыре года. Разговор занял семнадцать лет. Ниже-следующая запись является ускоренной версией той беседы.

— О, я помню времена, когда полей вообще не было.

Сосны обозрели тысячемильный пейзаж. Небо мерцало, как плохо поставленный спецэффект в фильме о путешествиях во времени. Появился снег, задержался на мгновение и тут же растаял.

— А что было? — качнулась соседняя сосна.

— Лед. Если это можно назвать льдом. Тогда у нас были настоящие ледники. Не такие, как нынче: задержатся на один сезон, и нет их. О да, те ледники существовали веками.

— Что же с ними случилось?

— Исчезли.

— Куда?

— Куда все исчезает. Все куда-то торопится.

— Ого. Это было сурово.

— Что именно?

— Прошедшая зима.

— И ты называешь это зимой? Помню, когда я была еще побегом, вот были зимы...

И тут дерево исчезло.

После короткой паузы, длившейся всего пару лет, одна из сосен проронила:

— Вот это да! Она же исчезла! Взяла и исчезла! Только что была рядом и вдруг исчезла!

Если бы другие сосны были людьми, они бы принялись неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Так бывает, малыш, — терпеливо проговорила одна из них. — Эта сосна ушла в Лучшее Место¹. Жаль, хорошее было дерево.

Но молодая сосна, которой всего-то было пять тысяч сто одиннадцать лет, никак не желала успокаиваться.

— А что это такое — Лучшее Место? — спросила она.

— Точно не известно, — ответила вторая сосна и вздрогнула. Но тут как раз налетела буря, так что никто ничего не заметил. — Мы думаем, что оно как-то связано с... опилками.

События, длящиеся менее одного дня, сосны не воспринимают, а потому они не слышали стука топоров.

Ветром Сдумс, самый старый волшебник во всем Незримом Университете, славящемся своими волшебниками, магией и сытными обедами, тоже должен был умереть. Совсем скоро.

И он это понимал — по-своему, по-старчески.

¹ В данном случае таких мест было целых три. Ворота домов номер 31, номер 7 и номер 34, что по улице Вязов в Анк-Морпорке.